

Комсомольское знамя. - Киев. - 1990. - 26 авг. - с. 10

«МОЛЧАНОВ-ШОУ»

Встреча для вас

Каждый месяц в последнюю субботу мы выкраиваем для него время. Именно для него — эlegantного, обаятельного, умного, располагающего к себе Владимира Молчанова. Кого-то он раздражает, кого-то увлекает, но смотрят «До и после полуночи» все. Недавно в киевском Доме офицеров прошла встреча телекомментатора со зрителями. Предлагаем вам запись беседы, подготовленную нашим корреспондентом.

— Владимир Кириллович, из какого рода вы происходите, кем были ваши предки?

— Всему тому, что во мне есть, я обязан своей семье, своим родителям. Я происхожу из очень старой русской семьи и по линии отца, и по линии матери. Мой род никогда не был богатым, но был достаточно благородным. Мой дед — капитан царского флота, командир одного из кораблей знаменитой флотилии адмирала Щасного. В 1917 году, когда произошла Октябрьская революция, флотилия стояла в городе Гельсингфорсе (нынешнем Хельсинки), там родилась моя мать. Вся флотилия перешла на сторону революции и была переведена в Петроград. И до 1921 года верой и правдой служила идеалам Октябрьской революции.

В 1921 году начались аресты. Первым был уничтожен сам адмирал Щасный, мой дед несколько раз арестовывался, пока в конце концов его не расстреляли в 1937 году. Моя бабушка отправилась в ссылку, а моя мама была изгнана из театрального училища имени Щепкина, где она готовилась стать актрисой.

Судьба семьи отца сложилась удачнее, она не пострадала от репрессий... Мой отец был композитором, автором многих песен и нескольких опер.

— Как складывалась ваша судьба, что вас привело на телевидение?

— С детства мои родители приобщали меня к основам русской культуры. Моя мать — женщина верующая. И сам я был крещен в русской православной церкви. А ведь духовность закладывается именно религией, и ничем больше. Я закончил Московский университет, филологический факультет, у меня была очень редкая специальность по тем временам — я изучал голландский язык.

После окончания университета работал переводчиком в Голландии по линии АПН, переводил переговоры Брежнева с Голландской компартией неизвестно о чем. Там я проработал 8 лет, затем вернулся на Родину. Считаю, что журналист обязан быть известным, журналист, который неизвестен, — плохой журналист.

В Голландии я занимался пропагандой советского образа жизни, делать это было достаточно нелегко, но, что делаешь, — приходилось. Я понимал, что так дальше продолжаться не может, надо было что-то делать, что-то решительно менять. В это время мать предложила мне прочитать книжку «Мыслящий тростник» — о молодом человеке, который многое читал, многое знает, но бездействует и морально деградирует. Я понял мамин намек...

А здесь как раз наступил 1986 год. Я полетел в Нью-Йорк в составе делегации крупнейших советских руководителей в области информации. В этой делегации был

мой первый учитель на телевидении Владимир Ломейко, там же был Леонид Кравченко, который тогда возглавлял советское телевидение, и все, что вы видите сегодня на ЦТ нового, — все появилось при Кравченко.

Именно благодаря этим людям, я попал в Останкино. Вначале с несколькими товарищами попытался сделать утреннюю программу по образцу знаменитой американской программы «Доброе утро, Америка», но из этой затеи ничего не получилось. Тогда я занялся подготовкой новой программы, которая впервые вышла в эфир в марте 1987 года, называлась «Вы с ними где-то встречались». С помощью этой программы мы возродили прямой эфир. Теперь наша передача носит иное название — «До и после полуночи». Сразу у нас подобралась группа единомышленников, с ней я работаю и по сей день.

— Какие трудности вы испытываете, когда выходите в прямой эфир? Какие отношения у вас с цензурой?

— Честно говоря, я цензуры не ощущаю, потому что работаю «живьем». Какая может быть цензура в прямом эфире? Все неприятности наступают уже потом. А остальные трудности — они связаны в основном с техникой. Отечественная аппаратура ни в какое сравнение не идет с мировыми стандартами. А, кроме того, нам, конечно, не хватает денежных средств...

— Какую самую интересную книгу вы прочитали в этом году?

— Это книга Юрия Карякина «Достоевский. Канун XXI века». Достоевский в конце прошлого века практически один к одному предсказал весь тот ужас, который происходит у нас сегодня. Книга тяжело читается, но это — великая книга.

— Как вы относитесь к цветам и женщинам?

— Очень хорошо. Я нормальный глупый русский человек, который в 18 лет женился и уже 21 год женат.

— Есть ли у вас кумиры в жизни?

— Еще с детства у меня есть два кумира. Первый — это Джон Фидджеральд Кеннеди, причем и сегодня он остается одним из моих кумиров в политике. А вторым у меня был и остается выдающийся советский хирург Б. А. Петров.

— Как вы считаете, может ли нас спасти новая революция?

— Лично я думаю, что революция 1917 года была совершенно не нужна, потому что до революции наша страна входила в десятку самых высокоразвитых стран мира, чего о ней, к сожалению, нельзя сказать сегодня. Россия до 1917 года была культурная, богатая страна со своей моралью, со своими устоями, со своими бедами. Но то, что произошло в 1917-м, как ни горестно об этом говорить, — была великая ошибка, которую сегодня мы все

вместе пытаемся исправить, и вот эта работа и есть наша новая революция, а спасет ли она нас — время покажет.

— Какими качествами, по-вашему, должен обладать тележурналист?

— Этого я не знаю. Я видел, как готовят тележурналистов для американской телепередачи «Доброе утро, Америка». Их учат мастерству поведения в кадре, умению полемизировать с большой аудиторией, отвечать на самые, казалось бы, абсурдные вопросы. В наших университетах, к сожалению, этому не учат или учат очень плохо.

— Как вы относитесь к экстрасенсам?

— Я видел очень сильных экстрасенсов, но их сейчас так много, что не могу серьезно относиться к каждому. Я очень боюсь показывать вещи, связанные с медициной. Вот, например, записал двух наших ведущих тибетских медиков и не дал их в эфир. Дело в том, что в нашей стране очень много несчастных, больных людей, которые верят всему. Один только эпизод из моего общения с тибетскими медиками: они лечат желтуху, гепатит довольно оригинальным способом — берут петуха, отрубывают ему голову, за несколько секунд ощипывают, разрубывают вдоль, привязывают к печени больного — и через три дня человек здоров. Можете себе представить, что бы было, если бы об этом сказали в прямом эфире, который слушает 160 миллионов человек, — во-первых, завтра в стране не было бы петухов вообще, во-вторых, у нас стали бы другие болезни лечить петухом, поскольку лекарств ведь нет.

— Всегда ли вы говорите правду или любите приврать?

— В тех 39 передачах, которые провел в прямом эфире, я ни разу не солгал. Не говорил, может быть, всей правды из того, что знаю, но не лгал ни разу, хотя не могу сказать того же о моем общении с друзьями и знакомыми. Но есть ведь и ложь во спасение — я в нее верю.

— Вы ведущий телепередачи «До и после полуночи», а когда вы себя чувствуете лучше — до или после полуночи?

— Я... после. У меня вооб-

ще такой ритм — я люблю после полуночи работать.

— В чем вы видите разницу между капитализмом и социализмом?

— Видите ли, капитализм я видел, а социализм — нет. Понимаете, социализм, который я видел в Голландии, для меня намного дороже, чем то, что называют социализмом у нас, потому что там люди живут свободно. Их никто не оскорбляет и не унижает. Дело в том, что тамшний безработный живет лучше, чем любой преуспевающий инженер в нашем якобы социалистическом обществе.

— Каковы взаимоотношения в вашей команде — среди тех, кто готовит «До и после полуночи»? Молчанов — диктатор или у вас все на равных?

— Нет, если и диктатор, то лишь отчасти, потому что телевидение — это театр. Каждый тележурналист — это личность, явление. Я очень рад, что в моей телепередаче выросли вместе со мной несколько журналистов, начинающих у меня на телефонах, а сегодня известных всей стране. Это — Алеша Денисов, который делает самые дорогие для меня сюжеты, о том, как жила наша страна до 1917 года, когда она входила в число наиболее цивилизованных стран Европы. Это Ира Зайцева, которая первая открыла религиозную страницу. Это Саша Ливанская с ее «Провинциальными новостями». Но вообще-то — надо быть диктатором, потому что каждый хочет сделать свою передачу в передаче.

— У каждой программы есть свой срок. Долго ли протянет «До и после полуночи»?

— Несколько месяцев назад я уже подумывал, что надо бы ее закрыть и сделать что-то новое. Телевидение тем и прекрасно, что за месяц ты можешь сделать что-то новое, и надо делать новое. У меня есть некоторые идеи, только не знаю, удастся ли их финансово воплотить. Я хотел бы делать два раза в месяц пятиминутный канал «До и после полуночи», но это был бы совершенно другой канал, который включал бы в себя и больше политики, и спорт, и, к сожалению, — рекламу. Без рекламы просто невозможно будет выжить.

— Кого вы считаете своим конкурентом на ЦТ?

— На Центральном телевидении очень жесткая конкуренция, иногда переходящая грань между жесткостью и жестокостью. Но она, как правило, существует между теми людьми, которые ведут одну и ту же программу. Когда мы начинали, «Взгляд» пытался конкурировать с моей передачей, они перенимали некоторые сюжеты из моей программы, но потом между нами не стало конкуренции, поскольку они все равно — хуже они или лучше — по рейтингу популярности находятся выше. Это связано с тем, что наша передача выходит раз в месяц, а «Взгляд» — раз в неделю.

— Какую черту характера вы больше всего не любите в себе?

— Мнительность. Эта черта вообще свойственна русским, это очень мнительная нация, которая обязательно должна придумать себе проблему, чтобы ее потом решить.

— Как вы относитесь к нынешней волне эмиграции?

— Я всегда считал и считаю, что это право каждого человека — жить в той стране, в которой он хочет. Если захочу завтра эмигрировать — я это сделаю. Но я никогда не эмигрирую из нашей страны, вот так я устроен, я буду здесь даже, когда будет очень плохо. Это, наверное, мазохизм российский, но вот я так устроен.

— Какие качества вы больше всего цените в женщинах?

— Боюсь, что тут не буду оригинален, потому что процитирую слова выдающегося французского актера Жерара Филипа, который сказал, что в женщине больше всего ценит благородство, нежность и ясность ума.

— Во что вы верите?

— Только в себя. Не верю в Бога, хотя я и крещеный человек, но я бесконечно верю в некое высшее существо. Еще я верю в слова Аввакума, когда он сказал, что дьявол взял у Бога Россию себе.

— Что вы можете пожелать читателям «Комсомольского знамени»?

— Этот вопрос уже из прошлого. Ну что можно желать сегодня друг другу, кроме того, чтобы выжить.

Беседу записал
А. СКЛЯНСКИЙ.